

**Князя Борис Владимирович и Дмитрий Владимирович Голицыны в
«Мемуарах русского генерал-майора барона В.И. Лёвенштерна»**

Князя В. В. и Д. В. Голицыны принадлежат к славному поколению русских дворян рубежа XVIII—XIX вв. Эти молодые русские аристократы внесли свою лепту в русскую и европейскую культуру, прославили свои имена в Отечественную войну 1812 г. Им посвятил генерал В. И. Лёвенштерн свои «Мемуары», которым предпослал следующий эпиграф: «Люди, чьи мысли от природы печальны, воображение весело, ум.. лукав, а сердце великодушно, — такие люди принадлежат к лучшей породе человечества».

Владимир Иванович (или Вольдемар — Герман) Лёвенштерн (1776—1858) принадлежал к древнейшему дворянскому роду, который получил баронское достоинство в 1720 г. Он родился в Эстляндии, образование получил в Ревеле. В 1793 г. был принят сержантом в лейб-гв. Семеновский полк и находился в качестве бессменного адъютанта при генерал-аншефе графе Салтыкове. Одно время он был делопроизводителем Баркляя-де-Толли, потом стал его адъютантом и после отъезда Баркляя-де-Толли из армии — адъютантом Кутузова.

Лёвенштерн не пропустил ни одного сражения Отечественной войны, приобрел блестящую репутацию в армии, не получив, однако, сам, он ничтожной награды за всю кампанию 1812 г. Но тому были особые причины

Барон Лёвенштерн написал свои воспоминания в двух редакциях. Первая редакция воспоминаний в виде «Мемуаров русского генерал-майора В. И. Лёвенштерна» опубликована в Париже в 1903 г. издателем М. Вейлом в 2-х томах по оригинальной рукописи. Первый том охватывал период с 1776 по 1812 г., второй — с 1813 по 1858 г. Рукопись попала на Запад благодаря брату В. И. Лёвенштерна — Жоржу де Лёвенштерну, который был полномочным министром Дании в Вене. Эту редакцию «Мемуаров» сам автор назвал «первым наброском, полным помарок, исправлений, полным хаоса». По его мнению, этот набросок имеет то преимущество, что выражает правду без лести, хотя слишком жестко и резко.

Узнав, что журнал «Русская старина» собирается публиковать «Записки генерала В. И. Лёвенштерна», М. Вейл хотел отказаться от идеи издавать эти «Мемуары». Однако, получив номер журнала за 1900 г. с опубликованными «Записками», он заметил «ощутимые различия, существенные видоизменения в редакции, добавления и сокращения, которые изменяли полностью смысл и контекст оригинальных «Мемуаров» при сравнении с текстом в «Русской старине». Тогда Вейл вновь вернулся к мысли издать эти «Мемуары», что и успешно осуществил.

Целью данного материала является не сравнение текстов этих двух изданий (это задача отдельного исследования), а сопоставление ситуаций, обстоятельств, в которые попадают братья князя Б. В. и Д. В. Голицыны как в «Мемуарах», так и в «Записках» генерала В. И. Лёвенштерна.

В «Мемуарах», в главе «Бородинская битва.—26 августа.— Три часа утра. Бистром и гвардейские стрелки», а также в главе «Борк» автор повествует о драматическом начале Бородинской битвы, когда Баркляя-де-Толли приказывает своему старшему адъютанту Лёвенштерну отозвать лейб-гв. егерский полк Бистрома 1-го, защищавший мосты деревни Бородина. Лёвенштерн безупречно выполняет приказ главнокомандующего Западной армией, который ставит его в пример другим своим адъютантам: «Вот, господа,

как я хотел бы, чтобы мои приказы исполняли на поле боя. Лёвенштерн только что подал вам пример. В этот самый момент ядро падает среди нас. Мы видим генерала, падающего с лошади. Это генерал-лейтенант князь Борис Голицын, под которым только что была убита его лошадь. Тем самым он был сильно потрясен. Генерал-аншеф почти не обратил внимания на этот случай и поспешил к центру, чтобы лучше видеть движение противника, ибо в этот момент сражение становилось общим во всех пунктах».

Сравним это место с описанием той же ситуации в «Записках»: «На восходе солнца поднялся сильный туман. Генерал Барклай-де-Толли в полной парадной форме, при орденах и в шляпе с черным пером стоял со своим штабом на батарее позади деревни Бородина. В тот самый момент, когда он обернулся ко мне, чтобы получить сведения о боевых снарядах, которые должны были доставить ему из Москвы, позади его была ранена ядром лошадь генерал-лейтенанта князя Бориса Голицына. Князь, смущенный своим падением, подошел к генералу Барклаю и донес ему об этом; Барклай, не оборачиваясь, ответил с величайшим хладнокровием: «Прикажите подать другую лошадь». Будучи сильно контужен, князь удалился. Он только что приехал из Петербурга и пока не имел еще случая командовать отдельной частью».

Когда сравниваешь эти два отрывка, можно подумать, что в них описаны две различные ситуации, следующие одна за другой. Однако здесь речь идет об одном и том же эпизоде.

В чем же мог ошибиться Лёвенштерн, заболевший в Смоленске, а при подходе к Бородину отправленный с депешами в Москву, где он будет задержан?

Кн. Б. В. Голицын появился на Бородинском поле, имея боевой опыт обороны Смоленска. Вспомним, что его последняя военная должность «генерал-инспектор инфантерии» в Смоленске. С этой должности он вышел в отставку «по болезни» в 1806 г. и вернулся к литературной деятельности. Военский долг обязывал его принять участие в обороне Смоленска, и, видимо, вместе с 6-м пех. корпусом генерала Д. С. Дохтурова он и прибыл в Бородино, а брат его появился позже, задержавшись из-за болезни. Кн. Б. В. Голицын перед Бородинским сражением был определен в Главную квартиру Соединенных армий, где числился в свите под именем «Голицына 2-го». Но на самом деле он оставался в составе 6-го пех. корпуса, командиром которого был генерал Д. С. Дохтуров, а начальником штаба — полковник Московского пех. полка Ф. Ф. Манахтин. На это указывают два обстоятельства. Во-первых, «Приложение к документу № 244. Список генералам, отличившимся 26-го августа при селе Бородине и там же 24-го. Генерал-лейтенант Голицын 2-й. Во все время сражения находился с генералом Дохтуровым, который рекомендует его как храброго и достойного генерала». Князь Б. В. Голицын был представлен Кутузовым к орд. св. Владимира. Во-вторых, есть свидетельство С. Н. Глинки в его «Записках о 1812 году». Там он рассказывает, как полковника Манахтина, смертельно раненого, привозят в московский дом кн. Б. В. Голицына на Басманной улице, «который и сам томился в это время от Бородинской контузии на смертном одре. При входе нашем Борис Владимирович, протянув руку Манахтину, сказал: «Вот и Бородинский мой товарищ. Слава Богу! Вместе сражались, вместе и умрем».

Кн. Б. В. Голицын умрет от раны, называвшейся вначале «легкой». Это произойдет спустя три месяца после возвращения его в действующую армию, 6 января 1813 г. в Вильне. Прах его перевезут в усадебную церковь Преображения Господня в Вяземах и в левом приделе во имя св. благоверных князей Бориса и Глеба захоронят (гроб будет заложен в стене церкви, а не зарыт в землю).

В главе «Конец битвы» автор «Мемуаров» подводит итоги Бородинского сражения:

«Наша армия покрыла себя славой. Армия противника сражалась с удивительным мужеством и понесла непоправимые потери. Конница особенно поредела. Многие генералы были убиты и ранены на поле боя. Также и Наполеон называл этот день «битвой генералов», так как там было их убито и ранено около трех десятков с обеих сторон. Мы скорбели о генерале-аншефе князе Багратионе и об армейском корпусном командире Тучкове (речь идет о генерал-лейтенанте Тучкове 1-м), которые умерли от ран. Генерал-майор Тучков (генерал-майор Тучков 4-й) был убит на месте. В числе раненых находились князь Голицын, князь Горчаков, принц Карл-де-Мекленбургский, граф Воронцов, Лихачев и граф Остерман».

В «Записках» Лёвенштерна это место значительно расширено и детализировано. Он пишет, что, хотя сражение и не было выиграно Кутузовым, его нельзя считать и проигранным. «Неприятель воспользовался этим обстоятельством, чтобы отступить на позицию, которую он занимал поутру».

Оплакивая кончину князя Багратиона, автор уподобляет его подвиг доблести героев Древнего мира. Список раненых увеличен, они названы по именам. К сожалению, среди раненых генералов Лёвенштерн ошибочно называют кн. Дмитрия Голицына вместо князя Бориса.

В «Мемуарах» в главе «Отступление к Москве» Лёвенштерн уделяет много внимания своему пребыванию в Больших Вяземах: «Мы провели сутки в прекрасном владении князя Бориса Голицына, и у меня было достаточно досуга для того, чтобы принять ванну, и это благотворно подействовало на меня. Нас хорошо накормили. Никогда не чувствуешь так хорошо ценности малейшего удобства, как в подобных обстоятельствах. Переменить сорочку, сапоги — истинное наслаждение!»

В «Записках генерала В. И. Лёвенштерна» этот абзац отсутствует почти полностью, за исключением первого предложения: «Мы остановились на сутки в прекрасном имении князя Бориса Голицына».

Таким образом, из французского текста мы узнаем, что в Вяземах был организован пункт питания для отступающей армии.

Что касается кн. Д. В. Голицына (Голицына 5-го), командовавшего в Бородинском сражении всей конницей 2-й Западной армии под руководством кн. П. И. Багратиона, то он упоминается в обстоятельствах не столь драматических, как его старший брат. О нем идет речь в «Мемуарах» в главе «Мы переходим из Ливонии в Малороссию. — Смерть Павла I. — Александр I» и в главе «Отъезд в Россию принца Понятовского».

До недавнего времени имен князей Б. В. и Д. В. Голицыных как участников Бородинского сражения мы не встречали ни в музеях, ни в исторических романах, ни в исследованиях военных историков. Возможно, это объясняется идеологическими причинами, возможно, велики были заслуги других военачальников, встретивших неприятеля у границ России и мучительно долго отступавших в боях вместе с армиями к Москве. И здесь, в Бородинском сражении, благодаря своему мужеству и неустрашимости перед грозным противником сумевших устоять и решить исход битвы. Но была и другая причина — личная скромность братьев, сдержанность, нежелание выставлять напоказ свои заслуги, отсутствие тщеславия.